

**ДЕТЕКТИВНОЕ
РЕТРО**

*Все персонажи и события
данного романа вымышлены.
Любое сходство с действительностью
случайно.*

Глава 1
После
представления

В Москве не бывает весны.

*М. Булгаков, из черновиков
«Мастера и Маргариты»*

Ночью по Москве ходить опасно.

И вовсе не опасно, мысленно одернула себя Нина, а просто — просто хочется поскорее оказаться дома, где так уютно горит лампа под крепдешинovým абажуром. Тьма тарашится в окна, но ты не боишься ее, ты знаешь — она снаружи, а ты для нее недосыгаема, потому что находишься под защитой своих стен. Совсем другое — идти после полуночи по почти что безлюдной улице под стук собственных каблучков, которым вторят толчки сердца, и Нина даже пожалела, что сгоряча отказалась от предложения своего нового знакомого, студента Былинкина, проводить ее. С Былинкиным ее познакомила подружка Ленка, благодаря которой Нина и оказалась сегодня в Большом театре. Ленка уверяла, что они идут вдвоем, но на месте обнаружилось, что к их компании присоединились этот Былинкин и его родственник — какой-то наркомовский¹ служащий, солидный

¹ Наркомат (народный комиссариат) — аналог министерства.

брюнет сорока с лишним лет, то есть все равно что старик. Имя служащего Нина не запомнила, потому что им прочно завладела Ленка, а ей волей-неволей пришлось развлекать студента. Былинкин спросил, как она относится к классической музыке, и тотчас же сообщил, что сам к операм равнодушен, и вообще ему нравятся джаз и Вертинский. На языке у Нины вертелся вопрос, зачем же в таком случае ее новый знакомый пришел слушать оперу, но спросить она так и не осмелилась. В присутствии людей, которые были ей антипатичны, Нина терялась, а Былинкин ей сразу не понравился: смотрел слишком пристально, пытался поддержать разговор, когда уже играла музыка, и вообще у него была дурацкая фамилия и прыщ над верхней губой. Но теперь, когда последний оживленный перекресток остался позади и Нина, по привычке срезая дорогу, углубилась в лабиринт старых улиц, не затронутых грандиозными перепланировками последних лет, она поймала себя на мысли, что зря запретила студенту провожать себя. Ей было бы куда спокойнее, если бы рядом находился кто-то, пусть даже с прыщом и нелепой фамилией.

Холодный ветер бил в лицо, фонари источали болезненный желтый свет, с неба сыпалась мелкая противная крупа — весна в 1939 году выдалась снежной и неласковой. Упрямо наклонив голову в белом беретике и крепко прижимая к себе новую сумочку, Нина бежала сквозь апрельские сумерки. Берет был почти как у Норы Полонской в «Трех товарищах»¹ — для полного сходства

¹ Вероника (по прозвищу Нора) Полонская (1908—1994) — актриса, с которой у Маяковского был роман, закончившийся его самоубийством. «Три товарища» — фильм 1935 года с ее участием (одноименная книга Э. М. Ремарка не имеет к нему никакого отношения).

недоставало только вышитой собачки, на которую Нина не отважилась, потому что сама вышивала неважно, а мать, Зинаида Александровна, которая как раз была на все руки мастерица, объявила, что собачка тут совершенно лишняя и Нине без нее гораздо лучше. На самом деле Зинаида Александровна не одобряла личность, которой дочь пыталась подражать. Положим, Маяковского мать Нины тоже не одобряла — по ее мнению, для поэта Маяковский вел себя на редкость антипоэтично, — но Полонская, ставшая причиной его самоубийства, и вовсе не вызывала у Зинаиды Александровны восторга. Нина же, в силу возраста, смотрела на вещи совершенно иначе: смерть из-за неразделенной любви казалась ей чем-то возвышенным, романтичным и необыкновенным, в зале кинотеатра она с волнением глядела на экран, на аппетитную молодую женщину с усталым лицом, томно изображающую *femme fatale*¹. В сюжете присутствовала не только *она*, но и история мужской дружбы, не выдержавшей испытаний, и даже взрыв моста, осуществленный, впрочем, из самых благих намерений, но о взрыве Нина забыла, как только вышла из зала. После фильма она стала носить берет, хотя раньше была равнодушна к этому головному убору, и вообще стала уделять одежде куда больше внимания. Увы, коричневое пальто, в котором она ходила, при всем старании нельзя было сделать модным. С сумкой Нине повезло больше: одна из знакомых Ленки Елисейевой получила ее в подарок от кого-то, но то ли подарок не прижился, то ли даритель был не из тех, чьи подношения приятно видеть возле себя — одним словом, божественная темно-лиловая вещица с позолоченной цепочкой в итоге оказалась у Нины, а

¹ роковая женщина (*франц.*).

Ленкин кошелек пополнился на 85 рублей. Родителям, конечно, Нина назвала куда более скромную сумму — Василий Иванович и Зинаида Александровна были прекрасными людьми, но судьба отучила их от всего, хоть мало-мальски смахивающего на расточительство, и они бы не поняли, зачем дочери такая дорогая сумка, когда в магазине можно купить изделие Пролетарского рай-промтреста рублей за сорок, если оно из кожи, и всего за восемь или десять, если оно дерматиновое...

— Мрря-я-я-у!

Кот сверкнул глазами на девушку, промчался во тьме клубком тьмы и канул во тьму. Нина аж подпрыгнула от неожиданности, но тотчас же взяла себя в руки. «И чего я боюсь, — подумала она, — совершенно нечего бояться». Идти оставалось совсем недолго, и Нина приободрилась. Скоро она будет дома, вот уже слева видна вывеска «Хлеб» над новой булочной. Раньше в ней был другой магазин, но потом случилась какая-то темная история, после которой его надолго закрыли, а недавно — гляди-ка — стали ремонтировать помещение и даже покрасили наружные стены. Витрина булочной еще пуста и нигде нет расписания работы, но вчера, пробегая через двор, Нина видела, как рыжий рабочий прилаживал вывеску, стоя на кузове грузовика. Значит, скоро в районе откроется еще одна булочная, и очень хорошо, потому что та, в которой они обычно покупают...

Но тут все мысли о хлебе и новом магазине вылетели у Нины из головы, потому что она разглядела впереди, во дворе, фигуру другого прохожего. Мужчина плелся, то и дело натываясь на деревья, бормотал какой-то вздор и вообще производил впечатление человека, который «перебрал» и совершенно утратил всякое ощущение реальности.

«А вдруг он бросится на меня? — подумала Нина, холодея. — Что я буду тогда делать?»

Хлопнула дверь, из дома выскочила взволнованная молодая женщина с шалью на плечах и подбежала к пьянчужке.

— Ваня, это невыносимо! — закричала она срывающимся голосом. — Иди домой!

— Не под-ду, — отвечал пьяница, решительно отстраняя ее рукой.

— Господи, за что же мне это! — запричитала женщина. — Ваня!

— Не тр... рожь меня, — угрожающе хрюкнул пьяница. — Ты... кто... такая... вообще?

— Ваня, ну Ваня! — запричитала женщина, бегая вокруг пьяницы, который без сил опустился на скамейку. — Ванечка, пойдем домой... Ваня!

Женщина вполголоса заговорила с пьянчужкой, который, очевидно, был ее мужем или братом и, где-то удачно «заложив за воротник», не желал возвращаться к домашнему очагу. Нина сердито наморщила носик. Ее выводила из себя картина бытового разложения, невольной свидетельницей которой она стала. Особенно раздражал ее Ваня, вокруг которого так хлопотала незнакомка. Косматый, с давно не стриженной бородищей, одетый черт знает как, он походил не на советского гражданина, а на форменное пугало. Нина даже поймала себя на мысли, что переживать из-за подобного субъекта, прямо скажем, себе дороже...

— Ну и сиди тут! — крикнула женщина с ожесточением и метнулась обратно в дом.

Пьяница обмяк на скамейке, и тут Нина с опозданием сообразила: чтобы пересечь двор, придется пройти мимо него. Слева виднелась вывеска новой булочной,

впереди темнела дверь дома, в котором скрылась собеседница Ванечки, а справа, в глубине двора, за редкими деревьями, маячил другой дом, поменьше. Нина часто видела его, пробегая мимо, но никогда не обращала внимания. Днем это было неказистое одноэтажное здание с двускатной крышей, выкрашенное серой, во многих местах облупившейся, краской, а ночью — просто строение неопределенной формы и цвета, в котором не светилося ни одно окно. Скамейка с непредсказуемым пьянчужкой располагалась почти в центре двора, немного ближе к тому дому, в котором он, судя по всему, квартировал.

В обычное время проще всего было пересечь двор по диагонали, пройдя мимо скамейки, но теперь воображение рисовало Нине всякие ужасы, и она решила сделать небольшой крюк. Лужа возле булочной тоже сыграла свою роль: увидев, как в ней отражается свет единственного на весь двор фонаря, девушка мгновенно приняла решение и стала обходить скамейку справа, забирая ближе к серому дому. Нина старалась двигаться как можно тише, чтобы не привлечь внимание жутковатого существа, откликающегося на имя Ванечка, а потому, когда Ванечка неожиданно шевельнулся и повернул голову в ее сторону, блеснув глазами сквозь космы, Нину охватила паника.

— Гр-ражданка, — проговорил пьяница неожиданно приятным глубоким баритоном, — куда идем?

Нине очень хотелось сказать что-нибудь веское, чтобы поставить омерзительного пропойцу на место, но еехватило только на сдавленный писк. Она метнулась в тень дерева, но пьяница уже поднялся на ноги и с проворством, поразительным для вдребезги пьяного человека, оказался возле нее.

— Не подходите ко мне, — пролепетала Нина, отступая в сторону. Больше всего ее испугало выражение глаз незнакомца. Было в них что-то отчаянное, что-то сумасшедшее, куда надежнее любых угроз убедившее девушку в том, что ее ночная прогулка непременно плохо кончится. Боковым зрением она заметила возле серого дома движение — оттуда кто-то вышел. Нина открыла рот, готовясь кричать и звать на помощь, но проклятый Ванечка ее опередил.

— Граждане бандиты, вы окружены, сдавайтесь! — заорал он в сторону тех, кто показался из серого дома. И Нине: — Ложись, дура!

В его руке непонятно откуда появился черный пистолет. В следующее мгновение пьяница, он же непутевый Ванечка, он же черт знает кто, явившийся из тьмы, кинулся к Нине и швырнул ее на землю.

— А-а-а! — заверещала девушка.

— Мусора! Вали их!

Пах! Пах! Пах! Сухо защелкали выстрелы, раздавался звон разбитого стекла — из булочной тоже кто-то стрелял. Кто-то бежал, кого-то хватали, кто-то грязно и беспомощно ругался, кто-то кричал от боли, а Нина скорчилась на земле, зачем-то судорожно вцепившись в ручку сумочки, а левой рукой инстинктивно прикрывая голову.

— Бросай оружие! Бросай, кому говорят!

— Ты чё, ты чё, начальник...

— Юра, у него нож за голенищем! — Это пьяница обращается к кому-то из своих, кто выскочил из булочной прямо сквозь витринное стекло, ухитрившись, кажется, даже не пораниться.

— Ага, понял, Иван Григорьич... Ну-ну, Храповицкий, не шали! Отдай ножичек-то... Вот так, молодец! Руки! Руки держи, чтобы я их видел...

— Веник бежал! — кричит кто-то, и, приподняв голову (любопытство все же сильнее страха), Нина с изумлением узнает в говорящем рыжего рабочего, совсем недавно на ее глазах вешавшего вывеску на булочную.

— Там Антон и Петрович его примут, — отвечает недавний пьяница.

— Не догонят, — усмехается человек, которого держит на прицеле высокий, артистичного вида Юра.

Однако через минуту из-за угла дома двое выволакивают молодого парня, заломив ему руки за спину. На голове у парня копна непокорных волос, из-за которой, возможно, он и получил свое прозвище «Веник». Левый конвоир на ходу свободной рукой стирает с лица кровь, тотчас же проступающую снова. Судя по всему, Веник пытался оказать сопротивление.

— Царапина, Иван Григорьич, — говорит пострадавший прежде, чем ему задают вопрос.

— Все целы? — отрывисто спрашивает «пьяница», оглядываясь.

— Наши — да. — Юра передергивает широкими плечами. — Из *этих* трое наповал, один ранен...

И в самом деле, возле серой стены лежат два тела, третье — на дорожке, а раненый сидит, прислонившись спиной к дереву, и стонет. И хотя он вроде бы уже не представляет опасности, рядом стоит рыжий, угрожающе направив дуло револьвера на задержанного. Нина чувствует, как ее начинает бить крупная дрожь.

— А Елагин где? — с тревогой спрашивает Иван Григорьевич. — Елагин!

— Здеся я, — отзывается человек, показавшийся из булочной. Это приземистый крепыш флегматичного вида, и Нина вспоминает, что тоже видела его раньше, он помогал рыжему управиться с вывеской. Елагин бросает равнодушный взгляд на убитых и отворачивается, словно не он только что стрелял в них и убил как минимум одного.

Из большого дома стремительным шагом выходит уже знакомая Нине молодая женщина с шалью на плечах, а за женщиной следует совершенно седой, очень спокойный старик.

— Терентий Иванович, — обращается к нему Иван Григорьевич, убирая оружие. — Вызовите карету «Скорой помощи»... И машину для перевозки...

— Они уже едут.

— Лиза, вы в порядке?

Женщина поводит плечами, обхватывает себя руками.

— Когда началась стрельба, я испугалась... И когда брат выскочил через стекло... — Она кивает на высокого Юру, который смущенно улыбается.

— Юра, ну ты артист... — говорит кто-то с восхищением.

— Что за баба? — спрашивает другой голос, и Нина не сразу понимает, что речь идет о ней.

Приблизившись, Иван Григорьевич протягивает руку и рывком поднимает девушку на ноги. Ощущение у Нины такое, словно она превратилась в мозаику и вот-вот рассыплется на тысячу кусочков.

— Московский уголовный розыск, старший оперуполномоченный Опалин, — представляется Иван Григорьевич, скользя внимательным взглядом по ее лицу. — Кто вы и как вас зовут?